

Вступление к первой части

В диалектике природы моменты проблем представляет собой периоды качественных скачков, являющийся следствием количественного накопления. Теория развития представлена в виде чередования кратких периодов преобразований, тогда как в «теории хаоса» основную роль играют хаотические периоды, а порядок и прогресс представлены как короткие моменты. И одно, и другое являются предметом постоянного внимания человека. Разумеется, существует точка зрения, в соответствии с которой человеческое мышление, то есть сознание, является зеркальным отражением бытия, как существует и другая, считающая первичным человеческое сознание.

В этих теориях можно встретить как индуктивный, так и дедуктивный методы исследования. Я считаю необходимым еще более конкретно рассмотреть проблему в данном контексте. Именно поэтому все исследования, проведенные мной до данного момента, следует рассматривать как всестороннюю подготовку к введению в сущность общественной проблемы.

История считает, что процесс изучения человеческого сознания может быть разделен на два периода. Один из них представляет собой относительно стабильные периоды процветания общества и отсутствия значительных проблем, что отражено и в сознании. Представляют собой период активного развития прогресса — без проблем, порождаемых стагнацией общества. Вселяют уверенность. Утверждают о постоянстве. В таком случае считается, что проблемы носят временный и преходящий характер. Наибольшее внимание уделяют Первой природе. Они не желают подвергать обсуждению общественную природу.

А периоды где наблюдается застой и слабость порядка, мышление полно проблем. Наибольшее внимание уделяется «второй природе». Эти периоды являются временем усиленных новаторских поисков в области религии и философии — именно здесь видят выход из проблем.

Изучение любой цивилизации подтверждает наличие обоих этих периодов — и процветания, и активных поисков человеческого сознания. Высочайшее развитие шумерской мифологии в период стабильности оказало влияние на все широко известные воззрения в области религии, философии науки и течения искусства. Не существует ни одного имеющего мировое значение направления в религии, философии, искусстве и науке, не испытавшего влияния древних шумеров. То же самое можно сказать и о Древней Греции — достижения и шедевры античной эпохи связаны с периодом процветания государства. Благополучие Шумерского государства основывалось на благоприятных природных условиях Месопотамии, а в Греции — на производительности обеих берегов Эгейского моря. Мифология древних шумеров со временем уступила место ионической философии, и мы можем отметить это время как период ярчайшего прогресса в науке и искусстве. В Западной Европе аналогичный период процветания и стремительного прогресса в области

интеллектуальных наук начался с XVI века и в дальнейшем распространился по всему миру.

Следует обратить внимание на тот факт, что все три благополучных примера интеллектуальной революции связаны с «первой природой». Однако ухудшение политико-экономической ситуации и начало депрессии сразу же вызвали обсуждения по поводу «второй природы», активизации нового, прогрессивного мышления. В то время как одна часть мыслителей продолжала ностальгировать по прошлому, видя в нем идеал процветания и порядка, реформаторы, скорбят по поводу депрессии и неурядиц, уходят и утопию. Результатами этих исканий становится появление значительного количества новых общественных видов и обществ — от религиозных и сектантских течений до появления различных новых племен и даже образования народностей как это видно на примере Европы, демонстрирует возникновение общественных формирований.

Изучение истории человеческого сознания познакомило нас с общественными проблемами. И сейчас, изучая современное общество, мы до глубины души осознаем колоссальную тяжесть рассматриваемой проблемы.

Я стремился отделить и дистанцировать мои теоретические воззрения от европоцентристской социальной науки. Я осознаю, что именно этот метод крайне необходим в данном случае. Разумеется, кое — кто будет считать это слишком простым и осуждать как отклонение и отступление от социальных наук. Меня это не волнует. В действительности европоцентристская социальная наука иерархична — от нее за версту разит господством. Она имеет в виду или господство, или подчинение. У нас другая задача — нам необходимо стать субъектом демократии и добиться справедливого распределения. Европейская социальная наука в основе своей представляет собой либерализм; это — идеология. Тем не менее, эта очевидная реальность до такой степени не осознается, что усваиваются и вводятся в обиход даже идеи великих критиков — оппозиционеров. Все это демонстрирует большую способность к эклектике. Я знаю, что у меня нет другого выхода; стремясь избежать этой участи и не стать жертвой эклектики, я должен развивать черты, присущие лишь моему оригинальному методу. Данная позиция не является антиевропейской и не направлена против Европы. Как известно, теории, отрицающие достижения Западной Европы, также являются частью европейских учений. Если учесть, что Европа находится на Востоке, а Восток — в Европе, то, зная о том, какие именно достижения нашей цивилизации приобрели мировое значение, я считаю возможным развивать эту позицию. Ряд выдающихся ценностей Европы представляет собой улучшенную версию наших ценностей и открытий. Нам необходимо хорошо отдавать отчет в том, что большинство тех, кто производит впечатление самых ярких противников европейской системы, стали наиболее отъявленными сторонниками отсталого европейского либерализма. Опыт социалистического лагеря и национально-освободительных движений полны этими примерами.

Исследования К. Маркса и Ф. Энгельса в области научного социализма были предприняты как решение общественной проблемы того времени. К. Маркса и Ф. Энгельса искренне в это верили. Несомненной была их вера в возможность постановки проблемы и характера ее решения, когда очередь дойдет до социалистической системы, а также определение капиталистической системы — до такой степени, что научный социализм развивался ими

как гарантия этих преобразований. Но история развивалась иначе. Их предшественники, социалисты — утописты, тоже надеялись на это. В. И. Ленин ожидал иного от революции в России. В эпоху Великой Французской революции большое разочарование испытали многие революционеры — революция пожирала многих своих детей. История полна таких примеров, и это при том, что те кто решали проблемы были очень искренними и действовали осознанно.

Это означает, что в их методе определения и исследования общественных проблем присутствуют ошибки и недостатки, которые приводят к значительным искажениям и даже к обратным процессам. Как уже неоднократно отмечалось, проблема не в отсутствии усердия, восстаний и войн — всего этого хватало с избытком. Данная ситуация заставляет меня быть крайне осторожным в рассмотрении и определении общественной проблемы. Если мы в состоянии делать выводы из опыта предшествующих поколений и испытываем уважение к памяти великих героев, то предпринимаемые нами шаги должны быть осознанными и уважительными.

Версия #1

Зверобой создал 31 декабря 2025 02:25:57

Зверобой обновил 31 декабря 2025 02:26:12